

**ЛИСТАЯ
НОВЫЕ
СТРАНИЦЫ**

МАКСИМЫ ДОЛЖНОГО, ПАРАДОКСЫ СУЩЕГО

Невозможность логически вывести должное из сущего была доказана в XVIII веке Дэвидом Юмом. На этот принцип опирается точка зрения, согласно которой естественные науки относятся к сфере сущего, а гуманитарные — к области должного. Сегодня и сама конфигурация, и содержание ее составляющих существенно изменились. Обязательным стал анализ социально-культурного контекста знания, возник новый феномен — технаука, появилась специфическая сфера реальности (сущего) — сконструированные с помощью новейших технологий биологические объекты с целенаправленно заданными параметрами. Новейшим тенденциям в научном познании, особенностям современного междисциплинарного диалога посвящена рецензируемая книга, приуроченная к 70-летию известного отечественного философа члена-корреспондента РАН Бориса Григорьевича Юдина¹.

Центральное место в сборнике занимают статьи, касающиеся биоэтики и гуманитарной экспертизы — областям, в которых Юдин является признанным лидером. Книгу открывает обширная, нарочито академическая, без модных сегодня “неизвестных подробностей” биография юбиляра. Представление о его жизненном и творческом пути дополня-

ет интеллектуальная автобиография. Юдин подробно останавливается на зарождении и развитии в отечественной науке деятельностного подхода как альтернативы натуралистической точки зрения. Принципиальным в рамках данной парадигмы является разделение результативности и истинности, “естественного” и “искусственного”. Обозначенные идеи представляют, на наш взгляд, базовые константы современного гуманитарного знания. Кратко охарактеризуем суть последней дилеммы (автор неоднократно презентовал ее в разных вариантах). “Естественное” может восприниматься как дикое, некультурное, источник опасностей и угроз, тогда как “искусственное” — это свое, освоенное, упорядоченное. В данном случае первое противостоит второму как сущее должному. Есть и другая модель: “естественное” — нечто вне нас, обладающее собственными законами, порядком, устройением, то есть представляет самостоятельную ценность, притягательную для нас (должное). В таком ракурсе “искусственное” — вторичное, несовершенное, несущее “естественному” угрозу разрушения. Это если и сущее, то — второго порядка, во всяком случае, не должное устройство миропорядка. Имея в виду сказанное, попытаемся оценить сформули-

¹ Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. статей. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина. М.: Издательский дом “Навигатор”, 2014. 352 с.

рованы авторами сборника идеи и положения².

Обратимся прежде всего к проблеме биоэтики. Тема нашла в книге многоплановое отражение. Г.Л. Белкина и С.Н. Корсаков подробно рассказывают о становлении отечественной биоэтики, роли в этом процессе И.Т. Фролова, значении биоэтики в формировании этики науки как самостоятельного направления исследований. Н.Н. Седова акцентирует внимание на причинах возникновения биоэтики — бурное развитие новых технологий, рыночных отношений в медицине, либерализация и медиализация общества (с. 143). Я бы добавил еще рост интереса к телесности, расширение репертуара телесных практик. Медико-технологическая составляющая сыграла и играет огромную роль в развитии дисциплины. Точнее, основным предметом дискурса являются правомерность и последствия технических новаций. В этом отношении либерализация общественного сознания имеет важнейшее значение. Биоэтика невозможна без нового подхода к человеку как к суверенному и вместе с тем многомерному существу. Справедливо пишет И.В. Мелик-Гайгазян: “Мы имеем дело с множественностью онтологий, стыкуемых биоэтикой в ее попытках непротиворечивого соединения различных тенденций в пространстве диалога, и с множественностью эпистемологических позиций”. Биоэтика означает “готовность к интеллектуальному балансированию на границах инакомыслящего, инакововеряющего...” (с. 111).

Вместе с тем вопрос о предмете и объекте биоэтики остается дискуссионным. Седова перечисляет следующие трактовки дисциплины: а) это система знаний о нравственном отношении к живому; б) система норм отношения к живому; в) принципы деятельности с живыми объектами. Иными словами — это наука о живом. В сборнике представлена и альтернативная точка зрения на

биоэтику как на антропологическую дисциплину в ее личностном модусе (“биоэтика возникла как форма защиты индивидуальности”) (с. 149), либо в “пределах” ситуациях существования человека. Так, О.В. Попова сосредотачивает внимание на том, что истоки биоэтики лежат в интересе к пограничным, экстремальным (“лагерным” в терминологии автора) случаям. Речь идет об опыте “страдающего и чувствующего субъекта, испытывающего в экзистенциальных ситуациях кризис этического самопонимания, в том числе кризис познания собственной телесности, ее боли, ее границ, ее инобытия” (с. 129). В принципе с этим посылом можно согласиться. Вместе с тем чуть выше автор утверждает, что предметом биоэтики является опыт, “выходящий за рамки представлений, не поддающимся четкой нормативной оценке”. Почему он не может быть четко оценен? Да, справедливо отмечает Попова: “лагерный” опыт накладывает порой неизгладимый отпечаток на нормативную систему людей. Однако коль скоро в биоэтике присутствует слагаемое “этика”, то вопрос может и должен быть поставлен однозначно: на чьей ты стороне — палачей или жертв? Для нормального, разумного, нравственного человека ответ очевиден.

В книге отмечается неклассический характер биоэтики. Она базируется на достоверном объективном знании (науки о живом, то есть сущем) и вместе с тем является сферой должного, нормативным регулятором, практической установкой, во многом субъективирующей знание (с. 144). Таким образом, в рамках биоэтики удается преодолеть разрыв между сущим и должным. Более того, “биоэтическая логистика” предполагает практические рекомендации. Здесь возникают свои этические дилеммы (что нужно сделать, чтобы новые знания, результаты не причиняли вред человеку?). Их решение в значительной мере

М. Мануильский
Максимы
должного,
парадоксы сущего

² Помимо нескольких статей юбиляра сборник содержит материалы специалистов в области истории, методологии и философии науки, биоэтики, культурологии. К сожалению, в книге отсутствуют справочные данные об авторах, что снижает ее информационный потенциал.

определятся уровнем локализации. Седова выделяет три уровня биоэтики: теоретический; практический (этические кодексы, комитеты); прикладная биоэтика (описание конкретных ситуаций поведения) (с. 147). Предложенная классификация представляется мне несколько формальной, не учитывающей диалогический характер дисциплины. В науке принята трехуровневая структура: теория (методология); теории среднего уровня (отраслевые теории — физика плазмы, социология молодежи и т.п.); практически-прикладной уровень (методика экспериментов, опросов, наблюдений). В случае с биоэтикой каждый уровень упомянутой схемы и отношения между ними основательно фундированы дискурсом — как внутренним, так и внешним.

Одним из самых значимых в теоретическом и практическом отношениях выступает вопрос о предмете (объекте) биоэтики. В гуманитарном знании не принято представлять человека (личность) в качестве объекта исследования, только как предмет изучения. Применительно к биоэтике это аксиома аксиом. Вместе с тем поскольку находящийся в фокусе биомедицины человек выступает как организм, на который оказывают целенаправленное воздействие, детализация просто напращивается.

Д.В. Михель предлагает конструктор “биологическая реальность”, содержание и структура которого менялись в процессе эволюции медицины — от традиционной “медицины у постели больного” через “госпитальную медицину” к “лабораторной медицине”. Предметом (ядром) биологической реальности последовательно были нормальные тела, воспринимаемые как тела машины; клинические тела (паталогические органы и ткани); клинические тела как система клеток; клинические тела как система клеток, обладающих иммунитетом, микробы; клинические тела, клеточные материалы,

биомолекулы, гены, базы биологических данных (с. 239). Думается, представленная схема адекватна задачам биоэтики в части биологии и генетики человека.

В то же время биоэтика неотделима от нравственных оценок попавших в ее орбиту событий и фактов. Седова предлагает модель возможных соотношений знаний и оценок по шкалам “истина — ложь”, “правильно — неправильно”. В результате формируются четыре прожективные стратегии, в рамках которых могут быть реализованы рекомендации: последовательное добро (проведение клинических испытаний нового препарата с разрешения этического комитета); непоследовательное зло (проведение нового метода лечения без информированного согласия пациента); непоследовательное добро (оказание первой помощи пострадавшему некомпетентным лицом); последовательное зло (отказ представителей некомпетентного пациента от его лечения по религиозным мотивам) (с. 145).

Схема представляется эвристически значимой прежде всего с точки зрения дилеммы “результативность — истинность”. Вопросы вызывает маркировка добра и зла. Так, характеристику “непоследовательное добро” я бы поименовал “немотивированное (альтруистическое) добро”. В таком случае первую позицию логично было бы считать “социально одобряемым добром”. Но две оставшиеся позиции не укладываются в дилемму “социальное — биологическое”. Необходимо дальнейшее терминологическое уточнение упомянутой схемы хотя бы потому, что ее теоретико-методологическая конфигурация весьма нетривиальна.

Вопросы гуманитарной экспертизы представлены не столь подробно. Ясно, что гуманитарная экспертиза должна носить междисциплинарный характер. Пока не очень понятно, в чем будет выражаться ее “гуманитарность”. Попытаемся экс-

плицировать идеи на сей счет, содержащиеся в книге. Отправной пункт рассуждений — парадокс, который я бы назвал парадоксом Мюнхгаузена. Долгое время причиной бедствий и проблем считался социальный порядок. Соответственно, прогресс должны были обеспечить социальные преобразования (революции или реформы). Сегодня рецепт достижения благополучия — разработанные на основе науки технологии, причем технологии, ориентированные на индивида (или его ближайших родственников). Однако внедрение новаций влечет за собой не всегда просчитываемые отрицательные эффекты. Таким образом, прогресс науки порождает экзистенциальные риски, которые невозможно полностью осмыслить в рамках предлагаемых самой наукой решений. Подобно Мюнхгаузену она пытается вытащить себя за волосы из болота — в системе нравственных коллизий и рисков, которые сама и породила.

Институт гуманитарной экспертизы создает реальные предпосылки преодоления обозначенного противоречия. В идеале экспертиза должна представлять собой результат оптимального согласования научных выкладок (решений, технологий), интересов общественности и задач власти. Иными словами, экспертиза предполагает выход за границы болота, в котором пребывает Мюнхгаузен.

Практический, инструментальный характер гуманитарной экспертизы подробно прописаны в статьях А.А. Воронина и Р.Р. Белялетдинова. “Выход” науки в общество актуализирует проблему конвенционализма в науке и обратной связи. Сегодня обязательным моментом реализации новаций признается возможность возвращения на предыдущий этап в случае возникновения на текущем этапе новых, непредусмотренных рисков. В книге на примере биоэтической экспертизы демонстрируются две ключевые стратегии

внедрения новых технологий — саморегуляция на основе сложившихся норм и требований; разработка новых регулятивов, то есть приоритет должного над сущим. Последнее, по моему мнению, подразумевает конвенционализм как условие деятельности. Собственно, такой подход уже давно практикуется. Например, реальная коллизия в медицинской практике превращается в предмет регламентации только будучи вынесенной на обсуждение этического комитета. Но ведь есть понятия и принципы, статус которых не подлежит обсуждению: экологические императивы, принцип благоговения перед жизнью, Декларация прав культуры Д.С. Лихачева и т.п.

По моему мнению, проблема конвенционализма, бывшая точкой напряжения в середине прошлого века, сегодня опять переходит в разряд актуальных. К сожалению, в книге она практически обойдена стороной, точнее, представлен только один ее ракурс — конвенционализм как основа гуманитарного знания (с. 120).

Значительное внимание в книге уделено проблемам медицины, болезни, боли в их антропологическом и культурологическом аспектах. Современное прочтение “Записок врача” В. Вересаева предложил Б.Г. Юдин (“Медицина как антропология: уроки В.Вересаева”). Г.Б. Степанова подробно охарактеризовала некоторые парадигмы современной медицины: переход от концепции “здоровье от” к “здоровью для”, к “заботе о себе”. Д.В. Михель сосредоточил внимание на биомедицине как культурной системе. Это “сложная культурно-историческая конструкция с присущими ей собственными верованиями и ритуалами” (с. 237). Ее характерные черты: относительная независимость от других культурных институтов (религии, политики и т.д.); отчетливо выраженные иерархические разделения труда (врач — медсестра) и профес-

сиональных ролей; особые способы воспроизводства своих социальных и культурных смыслов и медицинской социализации (обучение, интернаттура и т.д.).

Современная биомедицина предлагает отличный от традиционного взгляд на болезнь. Ее необходимо рассматривать в следующих культурных контекстах: болезнь как симптом (семиотика диагноза); культурный смысл болезни (взаимное отторжение болезни и культуры); болезнь в жизненном мире человека (Lebenswelt); смыслы болезни, которые извлекают клиницисты из самоописаний пациентов (с. 245). Последний контекст (его называют *illines*) имеет не только самостоятельное значение как сфера субъективных реакций на появившиеся симптомы. Эти оценки, переживания служат для врача материалом для перевода ситуации на язык медицины, “патологии” — *disease*. Культурно-антропологический взгляд дает основание для несколько неожиданного, но справедливого, на мой взгляд, вывода: “Благодаря прогрессу медицины границы между болезнью и здоровьем фактически разрушены, так что обычная дихотомическая формулировка здоровья как нормы и болезни как отклонения от нормы поставлена под вопрос” (с. 249).

В книге также констатируется, что в биомедицине превалирует технократизм в форме “мифа технократической трансценденции” — вера в то, что с помощью технологий врачи могут преодолевать границы природы, включая старость и смерть (с. 242). Но набирают силу гуманистический дискурс (совместное обсуждение проблем, “контракт” врача и пациента), холистический подход (единство трех сущностей — тела, разума и духа).

Поучительно в данной связи отношение к смерти Л.Н. Толстого, которое реконструирует А.Я. Иванюшкин. Писатель подметил состояние отчуждения окружающих от умираю-

щего, испытывающего острую боль. Он уловил противоречие, которое не может разрешить и современная медицина: это прикрытие лжи и усталости здоровых от вида безнадежно умирающего больного “искусственными способами” — использованием лекарств и анальгетиков, которые не спасают и лишь фрагментарно снимают боль. Толстой задает вопрос: что можно противопоставить вселенскому одиночеству умирающего человека? Уж никак не медицину, которую он не переносил, не родных, которые при всем желании остаются по эту сторону границы жизни и не могут разделить страданий уходящего. Думаю, ответ “эвтаназия” также не устроил бы мыслителя. Для Толстого единственный выход — это любовь: та дорожка, которая соединяет уходящего и остающихся. В ее взаимной связи человек прощает и прощается, и его уход становится не смертью, а переходом в высший мир всеобщей Любви Отца.

В книге предлагается еще одна теоретическая новация. В.А. Луков представляет концепции биосоциологии. “Научная концепция междисциплинарного характера, исходящая из неразрывной связи биологического и социального компонентов в жизни человека человеческого общества и имеющая своим предметом те стороны социальной жизни, которые и на макроуровне, и на микроуровне человеческих взаимодействий вытекают из биологической природы человека” (с. 275). На мой взгляд, понятие “биологическая природа человека” выглядит несколько архаично. Хотя XX столетие именовали “веком биологии”, а в отечественной науке было потрачено много усилий, чтобы преодолеть свойственные марксизму экономический и социологический редукционизм, взаимодополняемость биологического и социального в природе человека не подвергается сомнению, причем даже в нашумевшей некогда концепции социобиологии. Кстати,

последнюю автор упоминает в своих рассуждениях, но напрашивающееся сравнение биосоциологии и социобиологии не проводит.

Но вернемся к проблеме природы человека. Ситуация немного проясняется, когда автор разворачивает биосоциальную концепцию молодежи. По мнению Лукова, “в молодежи может быть обнаружена та сторона *человеческой природы* [курсив мой. — М.М], которая не подверглась обработке культурой” (с. 285). Этот пассаж, кажется, многое объясняет... Если бы не выделение в качестве принципиальной характеристики рассматриваемой общности наличие молодежного тезауруса — исключительно культурного феномена. Хотя сама по себе идея поиска в человеческой природе “некультурных” элементов заслуживает внимания.

В заключительной статье Юдин попытался нарисовать широкую панораму происходящих в гуманитарном знании процессов. Во-первых, место грандиозных социальных утопий занимают индивидуальные утопии (речь идет о конкретном человеке, близких которого можно усовершенствовать, например, путем клонирования). Основа для этого — расширение индивидуальных возможностей человека за счет новых

средств науки и техники. Ныне уповают на них, а не, как прежде, на социальные преобразования. Во-вторых, происходит *возобновление истории*. Провозглашенный когда-то Френсисом Фукуямой “конец истории” (размеренный, предсказуемый ход событий) не состоялся. Будущее не предопределено, оно открыто и зависит от наших действий по преодолению рисков и вызовов. В-третьих, сегодня речь идет не о насилии над человеком, когда его загоняли в утопию, а о его радикальном преобразовании. При том, что биотехнологии создают неразделимую смесь очевидных благ и трудно уловимого вреда.

Прежние проекты основывались на поиске детерминирующих факторов, отдельная человеческая жизнь воспринималась как бесконечно малая величина. Сегодня ставка делается на конструирование и реконструкцию конкретного человека, преобразованию подлежат не отдельные вторичные черты, а сущность индивида. Кого-то, например, трансгуманистов, такие перспективы привлекают; кого-то не радуют. Но свобода выбора у нас по-прежнему остается.

© 2015 М.А. МАНУИЛЬСКИЙ,
кандидат философских наук